

ЖИТИЕ СВ. ФИЛИППА НЕРИ, ОСНОВАТЕЛЯ КОНГРЕГАЦИИ ОРАТОРИАНЦЕВ

о. Джироламо Бернабеи

*Пер. с лат. Philippus Neri, fundator Congregationis Oratorii Romæ (S.), Vita a. Hiero.
Barnabeo ex MS. // AASS Maii T. VI, p. 524-649*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА XXXV. ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ НА ЧЕТВЁРТЫЙ ГОД ПО СМЕРТИ И ПОЧЕСТИ, ОКАЗАННЫЕ УСОПШЕМУ

[547] Неро дель Нери так глубоко уважал и высоко чтит блаженного отца, что весьма гордился близким знакомством с ним и утверждал, что достаточно было лишь его объятия (а святой отец обнимал Неро всякий раз, когда замечал его душевное волнение), чтобы избавиться от любой болезни и беспокойства, и что он часто испытывал это даже после кончины святого, когда приходил к его гробнице. Так вот, в память о стольких благодеяниях он, будучи чрезвычайно богат и бездетен, задумал построить для мощей Филиппа драгоценнейший серебряный саркофаг (*conditorium*); поэтому отцы прежде всего решили осмотреть покойного.

Итак, спустя четыре года после того, как мощи были перенесены, «пирамидальную» стену взломали и обнаружили, что там полно мусора. Ибо из-за того, что в стене копилась сырость, крышка деревянного гроба растрескалась, а потому вся одежда истлела, и казалось несомненным, что вместе с ней должны были истлеть, обратившись в прах, и сами останки.

[548] Ну а с наступлением ночи, когда тело святого открыли и почистили, оказалось, что все члены его целы и невредимы; плоть же настолько мягка, бела и податлива, что все пришли в полнейшее изумление. Причём Андреа Чезальпино, Антонио Порто и Ридольфо Сильвестри, выдающиеся врачи того времени, сочли, что сие следует приписать исключительно божественной силе; они же подробно о том написали. Между тем Джакомо Крешенци, упомянутый ранее, распорядился изготовить и роскошно украсить кипарисовый ковчег, а затем в него, на шелковую подушку, поместили святыне мощи. Ну а при сем многорадостном зрелище присутствовали все наши и, поздравляя друг друга, проливали от огромной радости слёзы. Прибыли также кардиналы Медичи, Борромео и Бароний, которые, ликуя от радости, вознесли величайшую благодарность Подателю всех благ.

Затем кардиналу Медичи угодно было заказать новые одеяния, в которые и облачили святого, добавив к ним сутану и ту самую казулу, в которой он совершал мессу в день своего преставления. Этот же кардинал возложил на главу святого золотую диадему, а снятый с себя архиерейский перстень, украшенный громадным сапфиром, надел ему на палец. Тело было также усыпано множеством шелковых цветов, а на грудь возложили серебряное изображение Распятого, которое преподнёс в дар Джулио Санседони, епископ Гроссетти и горячо любимый ученик Филиппа.

[549] По завершении сих [приготовлений] мощи перенесли на прежнее место. Но поскольку лицо слегка изменилось, его покрыли серебряной пластиной. Так исполнилось то, что святой некогда открыто сказал при подходящем случае: мол, когда-нибудь его голова будет заключена в серебро, а телу его окажут такое же почитание, какое обычно оказывают мощам других святых.

Тем временем Неро дель Нери, о котором мы только что упомянули, взяв Филиппа как бы особым покровителем для себя и своего рода, решил добавить три звезды, бывшие родовым гербом Филиппа, к гербу своего рода, и всё это с согласия Элизабетты Нери, родной сестры блаженного отца, распорядился закрепить в публичных документах.

Поскольку же у него не было потомства мужеского пола, он с великим упованием прибег к заступничеству Филиппа. И не зря; ведь через девять месяцев у него родился сын, которого, нарекиши именем Филипп, он оставил наследником не только имущества своего, но и добродетелей, а также особой любви к блаженному отцу.

[550] Впоследствии сыновняя любовь Неро к святому день ото дня возрастала, пока не пришла ему мысль лучше прежней: построить вместо серебряного ковчега изысканную и рокошную часовню. И вот кардинал Франческо Мария Таруджи благочинно заложил её первый камень с заключёнными в нём медальонами (numismata), на которых был выгравирован образ самого Филиппа и надпись: «Beatus Philippus Neri, Florentinus, Congregationis Oratorii Fundator, obiit Romae anno millesimo quingentesimo nonagesimo quinto» («Блаженный Филипп Нери, флорентинец, основатель Конгрегации Оратория, почил в Риме в 1595 году»). А с ними ещё свинцовая пластина со следующей надписью: «Часовню сию в честь блаженного Филиппа Нери, флорентинца, основателя Конгрегации Оратория, Неро дель Нери, знатный флорентинец, по причине глубокой своей сыновней любви к блаженному мужу повелел с величайшей пышностью воздвигнуть от основания на свои средства в юбилейный 1600 год, в июле месяце, восьмого дня праздника святых апостолов Петра и Павла, в девятый год понтификата Папы Климента VIII».

[551] Между тем, пока Неро ежедневно налегал на работу (прошло восемнадцать месяцев, и она близилась к завершению), не без божественного промысла случилось так, что сына, которого он недавно прижил, поразила тяжелейшая болезнь, и дошло до того, что ребёнок, не в силах звука издать и вздохнуть, едва не расстался с жизнью. Не в силах вынести этого зрелища, Неро удалился в соседнюю комнату, бросился на кровать и, терзаемый чудовищной скорбью, воскликнул: «Блаженный отче, да может ли вообще так стать, что по твоей воле в этой часовне, которую я повелел воздвигнуть в твою честь, прежде всего придется соорудить гробницу для моего единственного сына?!» И не закончил он ещё говорить, как мальчик, словно пробудившись от глубочайшего сна, стал звать отца. Услышав сие, сестра мальчика тотчас же подбежала к отцу и поторопила его к сыну. Ну а мальчик снова ясно и отчетливо заговорил: «Я здоров, папенька! Меня вылечил дедушка», – так он называл Филиппа, ибо ему часто показывали живописный портрет святого, именуя его «дедушкой». Притом, чтобы лучше разобраться, ребёнка спросили, не бабушка ли вернула ему здоровье. Но он громче воскликнул: «Нет! Дедушка!»; и, указывая пальцем на портрет Филиппа, сказал: «Вот, вот он меня вылечил!» Когда его спросили, каким образом дедушка вылечил его, мальчик приложил руку к голове, показывая, что исцелился от его прикосновения. Итак, отведав похлёбки, он тотчас же принялся сосать молоко и успокоился. Вскоре из правого уха прорвался гной и выходил несколько дней, после чего горячка и болезнь отступили.

[552] Наконец в год спасения нашего 1602, за девять дней до июньских календ, мощи Филиппа частным обрядом в сопровождении нескольких кардиналов и прелатов, а также всех наших были бережно и благоговейно перенесены в новую часовню. Там на следующий день кардинал Таруджи первым отслужил божественную литургию, и с той поры к месту сему потянулись толпы народа.

[553] Хотя наши из осторожности воспрещали кому-либо, торопя события, воздавать блаженному публичные почести и поклонение, однако рвение множества

богомольцев оказалось сильнее. Причём Маркантонио, аббат Маффа, муж чрезвычайно набожный и притом многоучёный (о котором уже говорилось в другом месте) первым собственноручно повесил обетную табличку и восковое изваяньице на гробнице Филиппа. Ибо вскоре после смерти блаженного отца, будучи поражен опасной горячкой и глубоким упадком сил (*gravique letargo*), после тщетных попыток лечения, он увидел во сне, как дом его охватило пламя пожара, а стены сотрясаются от каких-то ударов, каковое видение повергло болящего в полный ужас. Он ума не мог приложить, что предпринять и трепетал от столь грозной опасности, но тут вдруг ему явился блаженный отец и, властью своей противопостав сим чудовищным силам, воскликнул: «Спасите аббата, спасите аббата!» По сих словах Маффа почувствовал, что всякая опасность миновала его и оставила.

И было сие отнюдь не какое-то там пустое видение, ибо в тот же миг ему стало легче, а на следующий день он полностью поправился. Посему, во свидетельство особливой признательности, он и поместил [в часовне] упомянутую нами табличку с надписью:

«J. C. R. B.

Philippo Liberatori Suo

Id. Anton. Maffa Presb. Salernit.

Non. Aug. M. D. XC. V.»

(Во имя Иисуса Христа, Искупителя благого [посвящает сие] Филиппу, своему исцелителю Маркантонио Маффа, свящ. из Салерно, в август. ноны 1595 г.)

Впоследствии же столь умножилось число обетных табличек и драгоценных приношений, что они покрыли большую часть стен не только часовни, но и самого храма.

[554] Тот же самый Маффа первым пожелал возжечь там подвесную лампаду, а поскольку наши затем её сняли, он горько жаловался папе Клименту VIII, по велению коего она была повешена снова. Подражая сему, Костанца дель Драги вскоре тоже принесла в дар оную гробницу серебряную лампаду, ну и другие вскоре последовали её примеру.

В тот самый год, когда Филипп преселился от земной жизни, издали его офорт, с ликом, обрамлённым лучами, и с указанием титула: «блаженный», а также с [миниатюрными изображениями, повествующими о] знамениях и чудесах, им совершённых. Также во многих частных домах и даже княжеских палатах держали его живописные портреты, а также хранили с великим почётом и благоговением изваяния лица его, выполненные (как мы недавно рассказывали) с натуры из воска и гипса, да и сам понтифик Климент один из таких [слепков] имел в своих покоях и чтил его, помимо ещё одного Филиппова образа, написанного на доске, которое он там же, покрытое пеленой (видимо, в ожидании канонизации. – прим. пер.), бережно хранил среди многих икон.

[555] Кроме того, едва блаженный отец умер, многие (почти не счесть таковых было!) начали призывать в молитвах и давать обеты [в чаянии исполнения своих

просьб по его заступничеству], и почитать его с величайшим благоговением. Также место, где он был погребен, не только многочисленный люд посещал, но и вельможи, прелаты и кардиналы в страхе Божиим повергались там ниц; и одни лобызали стену, другие брали оттуда всякий сор, третьи собирали отовсюду пыль; некоторые даже благоговейно забирали с собой масло из лампы, горевшей там, и цветы, коими было усыпано тело; и, прикладываясь к ним, стяжали множество милостей свыше. <...>

[561] Через пять лет после кончины блаженного отца было издано [похвальное слово] о его жизни и святейших нравах, написанные Антонио Галлонио как на латыни, так и на итальянском языке. [Сей труд] заслужил одобрение самого Верховного понтифика, который часто перечитывал его с великой душевной радостью. А многие кардиналы оставили на титульном листе книги записи следующего содержания: «Всё, написанное о блаженном Филиппе Нери, я частью видел собственными глазами, частью узнал из достоверных рассказов самых почтеннейших мужей, о чём и свидетельствую».

<...>

ГЛАВА XXXVI. О ПРИЧИСЛЕНИИ ФИЛИППА К ЛИКУ СВЯТЫХ

([562] – [570] в сжатом пересказе)

Слава Филиппа возрастала день ото дня, и вскоре несколько его духовных чад, а прежде всех аббат Маффа, обратились к папе Клименту VIII с просьбой разрешить публичное расследование добродетелей и чудес блаженного отца. На это папа, трижды скрестив руки на груди, молвил: «Мы считаем его святым», и дал своё согласие.

Расследование началось 4 августа 1595 года и продолжалось до 1 июня 1601 года. В это время более 360 свидетелей, включая нескольких кардиналов, дали показания, а составленные при этом Акты были собраны кардиналом Цезарем Баронием и помещены им в Ватиканскую библиотеку.

В 1615 году, после прошений от короля Франции Людовика XIII, королевы Марии Медичи, Римского сената, великого герцога Тосканы Фердинанда (а позже его сына Козимо), герцога Баварии Максимилиана, герцога Неверского Карла Гонзага и других, Папа Павел V передал дело Конгрегации обрядов, а по рассмотрении его кардиналами, включая Роберта Беллармина, 23 апреля 1615 года Филипп был беатифицирован, что в итоге позволило служить мессу и читать официи в его честь в церкви Оратория в Риме, а позже — в других Ораториях.

В 1622 году Папа Григорий XV, тронутый преданностью верующих и новыми прошениями, решил канонизировать Филиппа. Конгрегация обрядов с участием кардиналов Беллармина и Пьерпаоло Крешенци провела дополнительные проверки. На закрытой консистории кардинал Франческо Мария дель Монте произнёс красноречивую речь о жизни и добродетелях блаженного и от имени ходатаев просил о его канонизации. Выслушав его, Папа ответил, что охотно внимает сим просьбам, однако, поскольку не в обычае Святой Церкви заглядывать в Книгу Жизни

без внушения Святого Духа, то он желает глубже обдумать это дело и действовать с осмотрительностью. Поэтому он призвал всех во Христе Господе присоединиться к нему в молитве, посте и милостыне, дабы усмотреть волю Божию. Наконец была назначена так называемая «полупубличная» консистория с участием 32 кардиналов и других прелатов, на которой было окончательно принято единогласное решение.

В итоге 12 марта 1622 года Папа Григорий XV причислил Филиппа к лику святых вместе со святыми Исидором Земледельцем, Игнатием Лойолой, Франциском Ксаверием и Терезой Авильской. Канонизация прошла с великой торжественностью, а посетителям гробницы святого в день праздника были дарованы индульгенции.

[571] Все же эти события святой муж по божественному вдохновению и внушению ясно предвидел и недвусмысленно предсказывал задолго до их свершения. Так, ведя дружескую беседу со своими учениками, он по какому-то поводу сказал: «Увидите однажды, как это мое тело будет почитаться наряду с мощами прочих святых и как к моей гробнице начнут стекаться обетные приношения (votiva signa)».

Когда в другой раз его спросили, не хочет ли он съездить Флоренцию и наконец вновь узреть родное небо, он, словно в шутку, ответил: «Во Флоренции меня повесят». Смысл слов сих так и оставался непонятен до тех пор, пока в кафедральном соборе св. Репараты не была вывешена хоругвь с его священным образом.

Некоторым из своих духовных чад он без обиняков обещал, что и по смерти будет памятовать о них пред Богом, а посему частенько велел не терять надежды, говоря, что отойдет из мира сего в обитель, откуда помогать им сможет куда лучше. Некоторым же он посулил, что будет с ними в час смертный; например, Костанце дель Драги прямо сказал: «Не бойся, я никогда не оставлю тебя, а поступлю с тобою, как свв. Франциск и Клара даже по кончине с чадами своими поступали».

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ЧУДЕСА [ФРАГМЕНТЫ]

[572] Доселе мы описывали жизнь и нравы Филиппа; ныне же, в дополнение к вышеописанным событиям, случившимся с ним по Промыслу Божию, показалось нам уместным оставить очерк о ряде иных, не менее удивительных, на самый конец, дабы каждому было удобнее следить за ходом повествования, а те, кому недосуг читать о них, могли бы отложить книгу.

Впрочем, то, что мы намерены изложить, представляется столь весомым, что могло бы пролить свет на святость Филиппа не менее, чем сказанное прежде. Для начала же изложим те [чудеса], что он сотворил, ещё пребывая среди смертных.

Прометео Перегрини, пресвитер из Конгрегации, столь жестоко страдал от колик, что ему казалось, будто его внутренности раздираются и разрываются; посему он не мог найти покоя ни на мгновение. И вот когда боль усилилась, внезапно зашёл к нему отец и, осенив его знаменiem креста, тотчас вернул ему здравие.

[573] Антония Караччи хворала болью в боку и острою лихорадкой, отчего её телесные силы пришли в совершенное расстройство, и она не могла даже двинуться с места. Минуло пятнадцать дней, а все усилия врачей ничего не давали, тогда муж

ее, Герардо Караччи, поспешил обратиться к Филиппу и поведал ему о случившемся. А тот ему молвил: «Ступай, ничего дурного не станется, ну а мы Богу за неё помолимся». Однако болезнь день ото дня всё разгоралась, и Антония уже не могла ни спать, ни есть. Тогда Герардо снова пошёл к отцу и поведал: «Антония уж умирает». Тот же в ответ: «Не сомневайся; я сказал тебе, что ничего дурного не будет. А схожу-ка я сам к ней!»

Итак, явившись к ней, он спросил: «Где болит?» Она ему: «В правом боку». Тогда святой, простерши руку, начертал на её боку знамение креста и молвил: «Это ничего», – и в тот же миг лихорадка и боль полностью исчезли. Тем же из свидетелей сего, что вознамерились разгласить о случившемся, Антония воспротивилась, дабы не огорчить Филиппа, ведь он чётко и ясно наказал ей оставаться в постели ещё два-три дня, чтобы не показалось, будто исцелилась она внезапно.

[576] Когда же кардинал Таруджи узнал из долгого опыта, какую силу и благодать исцелений таили руки Филиппа, он назвал его десницу целительной, ибо её прикосновение приносило больным исцеление, а страждущим – утешение.

Некий знатный римлянин тяжело хворал, и терзала его при этом не только острейшая боль, но и страх, как бы недуг не оказался тем, что именуют «священным огнём» (рожистое воспаление, в те века ещё грозившее смертью. – прим. пер.). Итак, охваченный ужасом, он спешно обратился к Филиппу, а отец, увидев его на входе, тотчас молвил: «Запри дверь и покажи-ка, где болит». Пришедший повиновался, и святой возвёл очи к небу и принялся с величайшим усердием молиться, сотрясаясь [описанной выше сверхъестественной дрожью], после чего дважды коснулся рукою больного места и вернул ему здравие. Поражённый свершившимся, муж тот разразился кликами: «Чудо, чудо! Ты же святой, и я должен возвестить о твоей святости по всему Городу!» А отец, зажав ему ладонью рот, велел молчать и до тех пор не позволял уйти, пока тот не обещал никому не рассказывать. Исцелённый в самом деле сдержал слово и до смерти Филиппа никому не сообщал о случившемся.

[583] Некую девочку пяти-шести лет, дочку Джироламо Руисси, поразила жуткая и опасная болезнь носа. В течение многих месяцев её безуспешно лечили искуснейшие врачи Города; наконец, мать, полная доверия, привела девочку к Филиппу и попросила, чтобы он, чем может, помог несчастной. Увидев дитя, плачевно обезображенное недугом, блаженный отец поднёс руку к её носу и молвил: «Не бойся, дочка, ничего дурного больше с тобой не случится». В тот же час ей стало лучше, а через несколько дней она полностью исцелилась и впредь весьма долго оставалась здоровой.

[584] Пьетро Руисси, родной брат этой [девочки] Катарины, страдал от сильной головной боли, а Филипп его навещал. И когда Джироламо, отец Пьетро, принялся горячо молить святого об исцелении сына, тот без обиняков сказал: «Для Пьетро смерть была бы предпочтительнее жизни, однако сострадание к тебе не даст мне покоя, и потому я изо всех сил буду просить Бога о его исцелении». Сказав сие, он возложил руку на лоб Пьетро, и тотчас же боль полностью унялась.

Вскоре после этого Гаспаро, брата Пьетро, поразила острейшая головная боль, сопровождавшаяся головокружениями и обмороками. Тогда Джироламо, недавно испытывший чудодейственную силу Филиппа на другом своём сыне, отправил к

нему и Гаспаро. Едва святой коснулся его головы, как тот освободился от всякого недуга и впредь никогда более не страдал подобной болезнью.

У Виттории Варези в начале октября так крепко разболелось правое плечо, что аж дыхание перехватывало, отчего она не могла ни спать, ни лежать в постели. Поскольку же она не раз примечала целительную силу Филипповых рук, то обратилась к нему за помощью. Не закончила она рассказывать святому своём недомогании, как услышала от него слегка шутливый, как обычно, ответ: «Да что ж такое! Неужели ты вечно будешь доставлять мне хлопоты? Что болит?» Когда она указала на правое плечо, святой слегка ударил по нему кулаком и молвил: «Не сомневайся, теперь ничего худого не будет». И боль тотчас унялась. Не успела же Виттория переступить порог своего дома, как ощутила, что выздоровела совершенно – и никогда более не страдала от сего недуга.

[586] Лаура, девочка лет тринадцати, была тяжело больна и доведена недугом до такого состояния, что врачи отчаялись спасти её. После совершения всех церковных обрядов, полагаемых для умирающих, уже готовили траурные одежды и всё необходимое для похорон. В этом горе родители решили просить помощи у Филиппа. Он, по их просьбе, тотчас пришел и нашел несчастную лежащей без голоса и чувств. Тогда, движимый обычным духовным пылом, он дунул ей в лицо. Затем, словно в шутку, слегка ударил ее по щеке, крепко встряхнул за волосы и велел призывать святейшее имя Иисуса. О чудо! — при этом прикосновении больная тотчас пришла в себя, открыла глаза, воззвала к Иисусу, силы вернулись к ней, и она поняла, что здорова и свободна от недуга. <...>

[595] Шёл однажды блаженный отец с некоторыми своими учениками к Санта-Мария-дель-Пополо, а по пути заглянул в приют для неизлечимо больных бедняков и увидел там некоего несчастного, у изголовья которого горела лампада перед святым образом (как это обычно делается для умирающих). Безгласен он был, без чувств, едва дышал. Сие зрелище вызвало у Филиппа свойственную ему [сверхъестественную] дрожь; и он предался молитве, велел своим молиться вместе с ним. Затем попросил учеников немного приподнять больного его на кровати. Дивное дело! Несчастный тот сразу вновь ожил, и святой, распорядившись его накормить, ушёл. На следующее утро один из его учеников, снова зайдя туда, убедился, что бедняк жив-здоров.

[596] Витторию Варези, которую мы упоминали прежде, сильно мучил ревматизм (*distillatio quaedam frigida*, – досл. «некое холодное истечение»; этот термин старой медицины обозначал предполагаемое стекание «холодных» телесных жидкостей (мокрот, флегмы) из головы в другие части тела, вызывающее онемение, паралич, воспаление. – прим. пер.). Все средства оказались бесполезны, а от лечения ей становилось день ото дня лишь хуже, так что правая рука вместе с кистью почти совсем утратила чувствительность. Тогда спешно явилась она к блаженному отцу и молвила: «Право же, отче, я чувствую, как сей недуг от головы распространяется по всему телу, и весьма страшусь, как бы он совершенно не отнял у меня способность двигать правой рукою, и при одной мысли об этом прихожу в ужас». Тогда Филипп возвел очи к небу и, со свойственной ему дрожью пожав своей рукой её больную руку, поведал: «Не сомневайся, поправишься». И отпустил её.

Итак, женщина, вернувшись домой, стала размышлять сама с собою, стоит ли разбинтовать больное место и выбросить приложенный пластырь, или же продолжать пользоваться обычными лекарствами. Наконец сказала в себе: «Не почитаю ли я Филиппа слугою и другом Божиим? Не возложила ли я на него всю надежду и упование своего исцеления? Чего ж я тогда сомневаюсь?» И с этими словами сняла пластырь да метнула в огонь. И надежда не обманула её, ибо тотчас к ней вернулась способность двигать омертвелою десницею, отчего уразумела, что исцелилась безо всякого врачевания.

[602] Антонии Райди блаженный отец наказывал: «Гляди у меня, не вздумай хворать, не спросив прежде меня». И вот сия женщина, послушная его слову, едва только чувствовала хоть малейший предвестник болезни, немедля являлась к Филиппу и спрашивала: «Отче, угодно ли тебе, чтобы я похворала?» И если он не изъявлял согласия, недуг тотчас проходил; и так бывало весьма часто. <...>

[610] Делия Бускалья из Виченцы, жена Гаспаре Бризио, семь месяцев проходила беременная [благополучно], а на восьмом внезапно начались роды, но ребёнок оказался мёртв, причём вышел лишь наполовину, а роженица тут же лишилась чувств и вот-вот готова была испустить дух. Жизненное тепло покинуло её, и лежала она безгласна да бездыханна. Когда же призвали врачей, повитуха молвила: «В лечении уже нет никакого толку. Остаётся лишь верить её исцеление Богу да ни в коем случае не пытаться вытащить плод; этого не сделаешь, не погубив мать». И вот несчастная пролежала в таком состоянии почти два дня.

Тем временем муж её ходил по разным киновиям, горячо прося инок о молитвах за исцеление Делии. Обратившись же наконец к Филиппу, он умолял удостоить его жену посещением. Святой пришёл и, подступив к несчастной, снял с себя шапку и возложил ей на голову, а затем, преклонив колена и воздев руки к небу, со стенанием духа воскликнул: «Каждый – ниц, и молиться!» Вскоре святой поднялся и сказал больной на ухо (но громко): «Эгей, Делия!» Чудное дело! Услышав сие, она тотчас пришла в себя и, будто пробудившись от глубочайшего сна, спросила: «Что повелишь мне, отче?» А он ей: «Чтобы мы были святы» – «Да сотворит так Бог!» — подхватила она. Затем молвила: «Худо мне, отче». Святой отвечал: «Не бойся, ничего дурного не претерпишь». И, оградив её крестным знамением, удалился. Не успел он ещё сойти по лестнице, как сказал Гаспаре, взяв его за руку: «Ступай-ка; с женой твоей стало по молитвам [твоим]». Гаспаре пошёл и обнаружил, что жена его, благополучно исторгнув ребёнка, избежала всякой опасности и мучения, отчего тем же вечером встала с кровати, будто бы ничего дурного и не претерпела.

С нею же много времени спустя, когда она тяжело болела плевритом, случилось следующее: блаженный отец велел передать ей через мужа, чтобы она ободрилась духом, ибо ночью недуг отступил, хотя сама она того и не заметила. И все случилось в точности так, как он сказал.

[612] Кроме ж прочего, Филипп помог бесчисленному множеству женщин, страдавших при родах. И когда в таких случаях требовалось помолиться (тем паче если и плоду грозила гибель), он обычно брался за сие незамедлительно и без всяких условий. Впрочем, будучи смирен, слуга Божий почти всегда носил при себе мешочек, в котором, по его словам, хранились святыя реликвии, и именно благодаря

им, как он утверждал, стоило ему возложить сей мешочек на чрево страждущей, Господь даровал спасение либо ребёнку, либо роженице. По этой причине когда Клерия Бонарди, жена Клаудио Нери, которая при родах всегда подвергалась изрядной опасности, однажды обратилась к святому с просьбой помочь, он послал ей тот самый мешочек, и при содействии одного лишь сего средства она разрешилась столь легко и благополучно, что и сама едва заметила, как рожала. То же самое случалось и со многими другими, и когда молва об этом распространилась по Городу, сей мешочек стали ежедневно носить туда да сюда.

А позднее, когда Филипп уже умер, несколько учеников его захотели узнать, что же всё-таки содержится в том мешочке, и нашли внутри только плат, который называется пурификатором и употребляется при свершении литургической жертвы, а также медальон с выгравированным ликом св. Елены, завёрнутый в несколько слоёв ткани. Ну и стало совершенно ясно, таким образом слуга Божий пытался отвлечь внимание от своей чудотворной силы.

ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА [ФРАГМЕНТЫ]

[614] Джанантонио Леммаро, неаполитанский купец, тяжело маялся болью в боку. Вотще перепробовав множество средств, он искренне вверился заступничеству бл. Филиппа, чей образ держал перед глазами. Тогда-то дочь его Лукреция убедила его взять частицу околосердечных внутренностей его (*praecordia*), которую она благоговейно хранила, растворить малую толику в вине и испить, воззвав к блаженному отцу о помощи. Всё сие он без малейших колебаний исполнил и тотчас же задремал, а затем, пробудившись от сна, он ощутил, что выздоровел. И вот, со слезами радости он бросился к образу Филиппа, обхватил, осыпал поцелуями, а затем дал приложиться всем домашним. Сверх того он повелел повесить серебряный обетный образок в часовне святого и объявил, что он и его семья ежегодно будут соблюдать пост накануне его праздника. Ну и наконец, памятуя о полученной милости, с того самого дня он стал ежедневно читать в честь блаженного мужа гимн «*Iste Confessor*» («Оный исповедник...»; гимн из breviария, читавшийся в дни памяти исповедников. – прим. пер.). <...>

[623] Когда Стефано Кальчинарди, упоминавшийся ранее, в августе месяце прогуливался по Городу, зазвала его к себе некая женщина, согражданка его, сославшись на благопристойный повод. Однако затем она с крайней разнузданностью стала склонять его к срамному делу. А носил он на шее [в ладанке] волосы блаженного отца и несколько тряпиц, пропитанных его кровью. И вот, когда он уже был готов согласиться на гнусность, ощутил, как эти святые реликвии точно молотом ударили его в грудь, из-за чего у него как бы спёрло дыхание и, не сделав почти ничего, он рухнул наземь. В тот же миг он услышал голос самого Филиппа, воскликнувшего: «Смотри, что творишь! Прочь отсюда, беги от греха!» Это мгновенно привело Стефано в чувство, он удалился и благополучно избежал опасности греха. <...>

[630] Некий Агостино, приговоренный к смерти, наутро должен был идти на казнь, а в ночь накануне его по обычаю отвели в часовню, где благочестивейшие мужи с великим человеколюбием стали умолять его покаяться и испросить у Бога

прощения за преступления, дабы подготовиться к близкой кончине. Однако он, подстрекаемый злобным бесом, пришёл в ярость и ничего иного не отвечал, кроме того, что желает, проходя мимо дворца городского префекта, публично обвинить его в беззакониях и призвать его на Божественный суд.

Ночь напролёт все тщетно силились отвратить сего человека от такового намерения, и наконец, Монте Дзадзара взял чётки (Coronam) Филиппа, которые носил с собой, и, обратившись к Агостино, молвил: «Прошу тебя, брат, помолись на сих чётках в честь того святого мужа, который ими пользовался, дабы он исходатайствовал тебе у Бога дух покаяния и истинное сокрушение сердца». Тот, взявши чётки, спросил имя святого мужа, а как услышал, что это Филипп, тронутый Духом Божиим, пал на колени и, начав читать молитвы, пролил потоки слёз, после чего засвидетельствовал, что всякое искушение отступило. Итак, очистив совесть смиренною исповедью, он преблагоговейно принял таинство Евхаристии и, пребывая в том же душевном сокрушении, на самом месте казни вверил себя молитвам всех и с великой надеждой на вечное спасение расстался с жизнью.

[636] Десятилетней девочке Сеттимии Нери её сестра Олимпия по неосторожности сильно повредила левый глаз раскалённой железной трубкой от кузнечных мехов. Глаз тотчас распух, и, терзаемая нестерпимыми болями, несчастная лежала и дрожала всем телом. Мать, страшно взволнованная сим зрелищем, прикладывала к глазу розовую воду с яичным белком, однако это нисколько не помогло. Итак, поскольку боль нарастала, мать, отринув лекарства, возложила на пострадавший глаз шапку Филиппа, а также иные его реликвии, и, простёршись пред его изображением, смиренно дала обет: если дочь не утратит зрения, принести ко гробнице блаженного отца серебряные глаза. Дивное дело! В тот же миг боль и опухоль совершенно исчезли. Девочка вскоре мирно уснула, а наутро оказалась здоровой и невредимой. Более того, многие заметили, что этот глаз стал куда яснее и красивее другого.

[638] Как мы прежде поведали, реликвии Филиппа получили от него удивительную силу, но ещё из слов свидетелей выяснилось, что само чтение его деяний сопровождалось множеством сверхъестественных (divinitus) событий.

Священника Винченцо Валези, доктора обоих (т.е. гражданского и канонического. – прим. пер.) прав, двадцать часов подряд так тяжко мучили диавольские искушения, что он никак не мог отогнать яркие мечтания и безудержные помыслы, которые навязчиво докучали ему даже во время священнодействия.

Между тем, дали ему почитать житие Филиппа, и ему особо приметился рассказ о том, как Стефано Кальчинарди был избавлен от опасности прегрешения. Этот пример вселил и в него надежду на Филиппа; «Ну а мне, – молвил он, – святой отче...!» — и не успел договорить, как почувствовал, что навязчивые помыслы исчезли. Итак, побуждаемый столь великим благодеянием, он связал себя обетом, что всякий раз, заходя в Валличелльский храм, будет пять раз читать у гробницы блаженного отца молитву Господню и Ангельское приветствие. Кроме того, он повесил там обетную табличку, на которой можно прочесть сию надпись: «В лето Господне 1601-е, когда на протяжении двадцати часов ангел сатаны удручал меня, и хотя я многократно молил Господа, да отступит [враг] от меня, однако не получил

просимого. Но когда я стал читать книгу о жизни и чудесах блаженного Филиппа и дошёл до случая со Стефано в 1595 году, то призвал на помощь того же блаженного, и [бес] тотчас же отступил».

[639] Натале Ронданини, дед кардинала Паоло Эмилио Ронданини, листал книгу «Житие Филиппа», а прочитав, в частности, о том, как слуга Божий, разнося ночью хлеб нищим, упал в глубокую яму и был чудом спасен ангелом; а также как он одним прикосновением исцелил папу Климента VIII от подагрических болей, несколько поколебался в вере, соответствуют ли события описаниям, и призадумался.

И вот, той же ночью во сне явился ему Филипп, облачённый в белые одеяния, и попенял ему за маловерие и жестокосердие. От сего видения Натале проснулся в ужасе и, горько кляня свою дерзость, постановил впредь всех святых с величайшим усердием чтить и уважать. Поэтому, когда речь заходила о святых мужах или их деяниях, он тотчас же припоминал поговорку: «Потешайся со слугами, а пред святыми благоговей».

[660] Ещё до того, как Филипп был причислен к лику блаженных, некто, чьё из благоразумия не стоит разглашать, имел обычай вечерами перед сном обращаться к святому с молитовкой: «Под твою защиту прибегаю, блаженный Филиппе, не презри молений моих, но от всех опасностей избавляй меня всегда, угодниче славный и благословенный» (по образцу молитвы к Богородице *Sub Tuum praesidium*. – прим. пер.). Затем добавлял: «Блаженный Филиппе, молись за меня!».

И вот в начале ночи, возвращаясь от друга, он столкнулся с тремя вооружёнными людьми, которые напали на него и, обнажив мечи, стали со всех сторон наносить удары, пока, наконец не повергли его наземь. А он в явной смертельной опасности, обратившись к блаженному отцу, произнес ту же молитовку. И не напрасно: тут же он увидел, что рядом стоит его покровитель, окутанный светозарным облаком. И не успел он завершить молитвы, как к тому месту сбежалось множество людей; отчего перепуганные неприятели немедля обратились в бегство. Он же вернулся к своему другу; и хотя было видно, что плащ его, поддевка и камзол были всюду надорваны, однако ни один удар сквозь верхнюю одежду не проник. Сие он, конечно же, приписал единственно Филиппу, чьей защите и покровительству ежедневно себя предавал.

[668] <...> Одному из учеников Филиппа дали отравленное яблоко, и он уже собирался было его съесть, но услышал крик блаженного отца: «Выкинь! Выкинь!», – и, вострепетав, в изумлении отбросил плод. Поскольку же, попробовав его, он успел проглотить немного слюны, то немедля начал опухать. Приглашённый врач, дав противоядия, подтвердил, что яблоко было пропитано отравой, и сказал, что, съев его, он бы сразу же умер.

[669] Думается, что нельзя обойти здесь молчанием достопамятное событие, случившееся с кардиналом Цезарем Баронием. Когда он следовал в свите папы Климента в Феррару, то во сне увидел Филиппа и услышал, как тот говорит ему: «Погаси-ка ту лампаду». Когда же он огляделся и ничего подобного не увидел, святой снова сказал: «Погаси-ка ту лампаду»; и на этих словах исчез. По этой причине Бароний молился Господу, чтобы Тот благоволил открыть ему, что предвещает сие видение. И вот, спустя несколько дней, святой муж снова показался

ему и открыто возвестил, что кардинал Агостино Кузано преставился от сей жизни. Впоследствии же из писем, доставленных из Милана, стало известно, что тот скончался именно в тот самый миг, когда Филипп сообщил о смерти его.

А за много лет перед тем [случилось однажды вот что:] когда оный Бароний, удалившись после обеда в свою комнату, прилёг соснуть на деревянном сундуке, к нему подошёл святой отец и, как обычно делал при жизни, ласково погладил его по голове и крепко сжал её. Бароний тотчас же простёр руки, чтобы обнять дорогого отца, но тот скрылся из его глаз, оставив его исполненным несказанной радости. <...>

[670] Асканио Бертаччини был болен смертельно и, уже укрепившись св. Напутствием, под утро, бодрствуя, увидел в воздухе прозрачайший стеклянный кувшинчик, как бы пронизанный солнечными лучами, и услышал, как Филипп, коему он от всей души себя вверил, восклицает: «Так души, очищенные от грехов, уносятся на небеса». Ободренный сими словами, он вскоре поправился и твёрдо уверовал, что блаженный отец возвестил сие ему для того, чтобы он принял более чистые нравы и приготовился к кончине.

Джиролама Крешенци, духовная дочь Филиппа, когда-то тяжело болела, и уже вкусив св. Напутствия, некоторое время оставалась бездвижна и безгласна. И когда мать спросила её, что с ней и о чём задумалась, ответила: «Говорю с бл. Филиппом». На что мать ей: «Филипп-то уже на небеса отошёл». А девица: «Я здесь его вижу, я здесь говорю с ним». Причём сие видение так подействовало на больную, что до последнего вздоха она говорила лишь о Христе и, несмотря на страшные приступы недуга, всё принимала из руки Господа и Жениха своего (как сама молвила) с величайшей готовностью. А когда почила она, тело её исполнилось такой сиятельной белизны, что поистине являло собою храм Того, Кто «пасёт между лилиями» (Песн. 2:16).

Почти то же самое произошло и с Габриэллою из Кортонь, также духовной дочерью Филиппа, о которой мы упоминали в другом месте. Ведь будучи ста лет от роду и уже при смерти, она увидела, как Филипп идёт к ней, и, простерши руки, молвила: «Гляньте-ка: Филипп! Неужто вы не видите Филиппа?» И призывая его имя вновь и вновь, она скончалась в полнейшем спокойствии.

[674] Бартоломео Гросси из Мирабелли, местечка в Лодийской области, доведённый долгой тяжбою до крайнего обнищания, помолился однажды у гробницы Филиппа (куда приходил, как правило, каждодневно) с искренней верою и благоговением. И вдруг, когда выходил он из храма, повстречался ему какой-то незнакомец – и вручил ему деньги в подарок! Сие неожиданное вспоможение пришлось как нельзя кстати и помогло ему в его насущной нужде.

В другой раз, когда семья его оказалась в крайне стеснённых обстоятельствах, он по обычаю своему помолился там же и неожиданно получил деньги от некоей благочестивой женщины.

И ещё раз, когда он смиренно просил у блаженного отца помощи в той же часовне, увидел бумажный свёрток, битком набитый монетами, и слышался ему голос: «Возьми, ведь это твои деньги!» А он, застеснявшись, помедлил. Затем, взглянув туда снова, увидел, что свёрток открыт, монеты в нём блестят... И тот же голос

отчётливо повторил прежнее. Окончательно тем убеждённый, Батоломео взял деньги и, несмотря на все старания, так никогда и не смог выяснить, кто их потерял.

[684] Вскоре после Филипповой смерти в народе стали ходить образки блаженного мужа, и когда некто бесчестный и развращённый заметил один из них в руках у своего друга, то, насмехаясь над его благочестием, в крайнем бесстыдстве и своенравии выхватил у него образок, смял в руках и комком метнул наземь. Но тот (дивное дело) сам собой расправился и повис в воздухе, будто его кто рукою поддерживал.

Однако столь поразительное знамение не отпугнуло нечестивца – напротив, продолжив, он ещё наглей и упрямее попытался притоптать образок ногами, а тот вновь поднялся в воздух. Тогда, наконец, убедившись в своей неправоте и раскаиваясь в содеянном, он смиренно простёрся пред святым образом. В итоге, очистившись от прежних злодеяний в таинстве исповеди, он обратился к лучшей жизни.

[685] В Неаполе жила девочка по имени Джулия Пеллегрини, одержимая злым духом. Хотя она вовсе не обучалась грамоте, однако говорила по-латыни и много сокрытого открывала. И вот некий священник, взявшись изгнать из неё беса, приложил к ней святой образ Филиппа. В тот же миг бесы духи побежали от неё, покрикивая: «Филипп нас изгоняет!» Уже исцелившись, девочка поведала, что видела некоего старца, подобного тому, что на сем изображении, который повелением своим изгонял бесов.

В Трапани, что на Сицилии, Паскуале Пинелли, занимавшийся ловлей тунцов, многие годы терпел в этом промысле немалые убытки. Услыхав о Филипповых чудесах и уповая на его силу, он вложил бумажное изображение блаженного мужа в тростниковую трубку и бросил её в место лова. Хотя время было самое неподходящее, море бушевало и ярилось, а рыбаки опасались новых потерь, Пинелли призвал их не унывать, поскольку за ловлей присмотрит Филипп, [ведь он теперь им] как бы заступник. Надежда не обманула его: ко всеобщему изумлению он выловил четыреста тысяч фунтов тунцов (ок. 130 т; учитывая, что малая бригада за один раз могла выбрать не более 5-10 т тунца, указанный улов является явным рыбацким преувеличением. – прим. пер.).

[687] В год спасения нашего 1598-й Джакомо, аббат Крешенци вознамерился осмотреть мощи святых мучеников и древние памятники христианского благочестия и пошёл в катакомбы Присциллы, взяв провожатыми несколько человек, утверждавших, что они прекрасно знают тамошние подземные ходы. Итак, проникнув внутрь через невероятно узкое отверстие, они более пяти часов блуждали по тёмным коридорам, пока проводник не сбился с пути, и они со всей очевидностью не оказались словно бы заточёнными в лабиринте. Поэтому, сколько бы они ни метались туда и сюда, всё возвращались в одно и то же место, а ещё горше удручало их то, что свеча догорела, и свет явно вот-вот должен был угаснуть, а с ним — всякая надежда выбраться на поверхность. Итак, положение было отчаянное, и аббат молвил: «А давайте-ка, братья, возложив упование на Бога, помолимся вместе бл. Филиппу; ведь он, без сомнения, придёт на помощь просящим о защите». И не тщетно оказалась вера: в кратчайшее время они вдруг добрались до входа в

крипту, через который вошли. Поэтому, хотя уже смеркалось, а никто из них ещё не ел, они помчались в Валличелльскую церковь, чтобы воздать благодарение своему избавителю. В его-то честь сам аббат повелел повесить там серебряную обетную табличку на вечную память потомкам.

[689] Некто Томмазо, сын Маттео из Катайи, охотился в окрестности Корнето, а когда преследовал кабана, свирепый сей зверь разящим клыком ранил его: пробил бедро и нарушил три сухожилия под коленом. В итоге, когда начались судороги, на выздоровление его уже не надеялись. Маркантонио Вителлески узнал о том от родителей Томмазо и, движимый жалостью к ним, преподнёс им несколько волос Филиппа, которые благоговейно хранил при себе. Когда их приложили к больному, тот немедленно пошёл на поправку и даже не остался калекою.

Стефано Кальчинарди отправился в некий городок неподалёку от Рима, чтобы взыскать долг, а вместо денег должник отдал ему жеребчика. На первый взгляд он казался довольно смирным, и Стафано, оседлав его, верхом на нём направился обратно в Город. Когда же он доехал до какого-то оврага, по дну коего пробежал тонкий ручей, скакун, устрешённый журчанием воды, опустил голову к земле и помчался галопом, унеся наездника на четыре тысячи шагов. Наконец, когда он достиг высокого утёса и уже готов был ринуться с него в пропасть, Стефано громким голосом воззвал: «Помоги мне, блаженный Филиппе!» – и только он сие вымолвил, конь внезапно остановился. В дальнейшем он не доставлял своему хозяину никаких хлопот.

[691] Поскольку же после торжественной канонизации Филиппа «Господь сделал дивным святого Своего» (Вульг. Пс. 4:4) многими преславными чудесами, мы перед окончанием книги почли важным делом поведать о некоторых из них.

Врач Джироламо Порта из Аккви многие месяцы страдал тяжким недугом равно душевного, как и телесного свойства. И вот, когда он был в Савоне, то отправился наконец в храм Богородицы Милосердной и там в горячих мольбах призвал на помощь Филиппа. Тут во время молитвы он ощутил, будто кто-то взъерошил ему волосы, а голову – сжал невидимыми ладонями (как это нередко делал блаженный отец с теми, кто прибегал к нему за помощью от гнетущей печали), и тотчас же он освободился от всех мучительных проявлений своей болезни. <...>

[698] Паоло де Бернарди, родом из Тревизской области, служил в Риме у знатного мужа Ринальдо де Ринальди. Однажды, жестоко поссорившись с другим слугой, он отправился в Валличелльскую церковь и там, помолясь у гробницы Филипповой, смиренно просил его помощи, особенно в этом насущном деле. Ну а во втором часу ночи (т. е. ок. 8 вечера. – прим. пер.) он вышел из дому по хозяйскому поручению, не ожидая опасности от того [неприятеля своего], ведь его, как он полагал, уже умиротворили слова некоего вельможи. Но не успел он отойти и десяти шагов от дома, как злопамятный негодяй, ослепив глаза его фонарём, пронзил ему горло стилетом и скрылся. Хотя от этого удара у Паоло помутилось сознание (*mente commotus*), однако он всё же воззвал к Филиппу о помощи и услышал, как тот, по своему обыкновению, сказал: «Не сомневайся, ничего дурного с тобой не случится».

Итак, когда он с трудом добрался до дому, на самом пороге его окружило некое огромное сияние, и он заметил клинок, всё ещё торчавший в его горле, а ведь до того

мгновения он его не чувствовал. Собственными руками Паоло вытащил [оружие] и отбросил его. Поскольку же его пронзила острейшая боль, он, дважды повторив имя Иисусово, вновь умолял Филиппа о защите. Тем временем прибежал хозяин, поднял лежащего и велел ему не терять присутствия духа. Но Паоло, чувствуя, что силы и жизнь покидают его, попросил найти священника, чтобы исповедаться. По счастливой случайности рядом оказался один известный пресвитер, который тотчас стал слушать умирающего, но видя, что тот вот-вот испустит дух, не завершил исповеди, а просто уделил ему отпущение. Прибыли три хирурга и, осмотрев рану, объявили её совершенно неизлечимой. Тогда позвали приходского священника, который вновь провёл таинство: выслушал исповедь Паоло до конца, однако из-за повреждения горла не смог преподать ему святого Напутствия.

[699] Итак, Паоло бодрствовал всю ночь напролёт, в непрестанных молитвах прося Филиппа о заступничестве. Наконец, перед рассветом он забылся кратким сном, а пробудившись затем, обнаружил, что полностью исцелён: внезапно вернулись силы, он свободно двигал головой и шеей, без труда сплёвывал. На это обратил внимание хирург, присматривавший за ним, и спросил, как он себя чувствует. А Паоло ответил, что Филипп его чудесным образом исцелил. Тогда хирург, удостоверившись в чуде, помчался к господину и с радостью возвестил о случившемся. Ну а тот, ожидавший с часу на час вестей о смерти, не мог поверить глазам своим, увидев Паоло в добром здравии. Поэтому вновь созвал хирургов – других, – которые, осмотрев рану, объявили, что Паоло действительно исцелился и выздоровел, добавив, что никогда не видали и не слышали ничего удивительнее, ведь ни для кого не секрет, что даже тончайшая нить, не говоря уже о железе, не может пройти через дыхательное горло живого человека [без смертельного исхода]. Хотя Паоло тотчас хотел отправиться к гробнице святого Филиппа, врачи запретили ему вставать, и он провёл в постели три или четыре дня. После чудесного исцеления он не испытывал ни малейшего недомогания, даже рубцы на ране отлично зажили, оставив по себе лишь лёгкие следы на коже посреди горла и под шеей — как бы в память о преславном чуде.

В итоге на пятый день, целый и невредимый, Паоло отправился к гробнице Филиппа и повесил на священной стене (sacer paries – стена в храме, специально отведённая для размещения вотивных приношений. – прим. пер.) картинку с кратким описанием случившегося.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW